

АНАТОЛИЙ ПОЛОТНО

«ЖЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОДАРКОВ»

ГЛАВА 19.

КНЯЖИН

Валентин учился в седьмом классе московской школы-интерната для детей артистов и сотрудников Госцирка СССР, когда его родители – воздушные гимнасты, Александр и Александра Княжины, Заслуженные артисты, звезды советского цирка, погибли. Упали из-под купола цирка на арену на глазах у потрясенной публики. Они сорвались вниз как по команде, синхронно, и на огромной скорости унеслись в вечность. Были многочисленные комиссии по расследованию происшествия, но никто так и не смог объяснить, как и из-за чего это произошло. Княжины были настоящими профессионалами. Хорошо подготовленными, дисциплинированными, работавшими мастерски, слаженно, четко. И вот те на – сорвались и погибли. А сын остался круглым сиротой. Сообщили директору школы-интерната. Директриса собрала педсовет и сообщила о случившемся. Парня надо было отдавать в детский дом или искать какие-то варианты и оставить в школе до выпуска. И вариант вдруг неожиданно нашелся. Учитель химии Рутберг Андрей Карлович, обычно тихий, незаметный, худенький, невысокий человек с лысинкой посреди седых кучерявых волос, произнес: «Я мог бы Валика усыновить, если он не будет против». Все замолчали, а директриса поднялась из-за стола, подошла к Рутбергу и проговорила наставительно: «Андрей Карлович, вы же понимаете, что усыновление – дело серьезное и ответственное, нужно обладать характером». Про характер она заикнулась неслучайно, над Рутбергом все смеялись, чуть ли не в лицо, и издевались над ним. И ученики смеялись, и учителя-коллеги, и даже уборщицы издевались, обзывая всякими

словами. Андрей Карлович поднялся, будто извиняясь, съежился и тихо проговорил: «Мария Зигмундовна, уважаемая. Жилплощадь у меня позволяет, я одинок. Валика я учу химии с пятого класса. Мы с ним даже подружились, мне кажется. А характер? Ну что – характер, когда человеку жить негде, пойти некуда, сиротой остался? Здесь любовь и терпимость нужны, а не характер». Мария Зигмундовна понимала, что это единственный вариант не поломать парнишке жизнь окончательно. И она поставила предложение Рутберга на голосование. Проголосовали, естественно, единогласно. Так у Валентина Княжина, ученика 7 «В» класса, появился приемный отец. Валентином его назвала мама Александра, еще когда он не родился, будто знала, что носит под сердцем сына. Объявила об этом мужу Александру, и все. Вообще-то маму звали не Александра – это был ее сценический псевдоним. Маму звали Валентиной, может быть, это и повлияло на выбор имени сыну. Валентин – парное имя: и мужское, и женское. Означает – здоровый, сильный, – почему бы и нет? К слову сказать, мама принимала решения по всем вопросам и в семье, и на работе, она была лидером в их связке. Они начали дружить еще в цирковом училище, потом эта дружба незаметно переросла в любовь и семейный союз.

Отца Валентина, Александра, нельзя было назвать подкаблучником лишь потому, что он молча и даже с охотой соглашался со всеми решениями жены. Он просто по природе своей был покладистым, добрым, отзывчивым парнем, и при этом обладал недюжинной силой, ловкостью, невероятной выносливостью и работоспособностью. И у него был талант, талант актера цирка. Этим талантом обладал даже не он, а его тело. Великолепно сложенный атлет сразу обращал на себя внимание всех, а особенно женщин, как только он появлялся на арене. Его тело было настолько выразительно, что, глядя на него со стороны, каждый говорил про себя: «Этот может все, этот главный, этот мастер». Мама тоже была превосходно сложена и смотрелась великолепно, но на фоне папы она казалась подручной мастера.

Хотя на деле все было наоборот, но кто это может видеть со стороны? Мама придумывала все трюки, ставила номера, шила костюмы и вела их связку на Олимп успеха. Папу любили все, а маму побаивались за холодное отношение к окружающим, за твердость характера, за прямоту и силу духа. У папы были две слабости: женщины и алкоголь. Ну, с первым понятно: какая дама могла пройти мимо такого Аполлона? А со вторым совершенно не понятно. Он не был пьяницей, и, как говорят, за рюмкой не тянулся. Но если ему удавалось выпить больше ста грамм, он становился неуправляем, агрессивен, неукротим, он становился Александром Македонским. И вот тут его уже не побаивались, а реально боялись все. Во всех цирках Советского Союза. Он мог зацепить кого угодно, невзирая на звания, должности и титулы. Он мог драться до победного конца с двумя, тремя, четырьмя противниками, да хоть с двадцатью. А противники-то тоже не слабаки, это же цирк. Там люди далеко не слабаки. Тренированные атлеты, эквилибристы, акробаты, гимнасты. Единственным человеком, который мог остановить папу, была мама. И если случалась заваруха, визжащие цирковые актрисы бегали по этажам, примеркам, гостиничным номерам и общагам в поисках мамы, и та мчалась его умирять. Она смело подходила к дерущимся, расталкивала их, брала папу за руку и молча глядела на него. И папа начинал остывать, небрежно смахивая кровь от побоев. Потом, так же за руку, мирно, шел домой и ложился спать. После того как произошла трагедия, и они погибли, цирковые поговаривали меж собой, что у Княжиных накануне была какая-то ссора в гостинице, там ведь ничего ни от кого не утаишь. Может быть, эта ссора и стала причиной трагедии, кто его знает?

Все детство до школы Валентин провел в цирке. К семи годам он освоил спортивные снаряды, ходил по канату, жонглировал, стоял часами на полном шпагате. В общем, он был готов к будущей жизни циркового артиста, а про поступление в училище цирковое – да хоть на выпускной курс. Но пришла

пора идти в школу, его и отдали в ту самую школу-интернат. А как по-другому? Родители ведь все время на гастролях.

Смерть родителей потрясла его и изменила. Он держался, как мог, стойко, плакал, конечно, но не на людях, переживал глубоко, но не показушно. Он как-то разом повзрослел, замкнулся в себе и перестал шалить. Так говорили между собой учителя, а ученики стали с ним более дружелюбны, а ученицы принялись оказывать ему различные знаки внимания. Один Андрей Карлович, приемный отец, остался по отношению к нему прежним. Дождется, бывало, после занятий, и предложит пойти в зоопарк или в кино: «А не хочешь, как хочешь, я и один схожу». Все его звали по имени – Валентин или Валька, как это принято у пацанов. Андрей Карлович называл его Валик. Он не стал забирать своего приемного сына Валика из интерната в первый год: «Пусть парнишка оправится, в коллективе оно легче». Но каким-то образом увлек парня химией. И парень оказался очень способным к этой, на первый взгляд, муторной науке. Его сначала увлекли опыты практические, а как стал разбираться в сути происходящего, да у него стало все получаться, Валик увлекся и теоретической частью, формулами и решением задач. За первый год сиротства они крепко подружились, стали близкими людьми, не то что родными душами, но близкими. У них появился свой язык жестов, понимание друг друга с полуслова, взаимное уважение. Но главное – общее увлечение химией. Учителя во главе с директрисой Марией Зигмундовной даже удивлялись: как этот шлемазл Андрей Карлович подобрал ключик к мальчишке, сумел увлечь его этой дурацкой химией и стать его другом? А вот так.

Не все уборщицы в школе были язвами-то. Одна из них, вахтерша, бывшая цирковая звезда, добросердечная тетя Клаша, когда-то эквилибристка Клавдия Янтарная, жалела парня-сироту и как-то рассказала ему об очень нелегкой судьбе Андрея Карловича Рутберга. Оказывается, настоящее имя его было вовсе не Андрей, а Адольф, за что и пострадал во время войны.

Рутберг был тогда начальником аптечного управления, а лекарств не хватало, война ведь. Ну, его и посадили в лагерь, как врага народа, да еще и с таким именем. В лагерях он отмотал десять лет, но остался добрым человеком. А мог быть ученым с мировым именем. У Андрея Карловича ведь открытый ученых по химии целая куча, наград международных не сосчитать, а авторитет и в наших научных кругах, и в мире очень большой. «Добрый он, а добрым больше всех и достается. Да еще бессребреник. В детдоме где-то в Подмоскovie детей бесплатно химии учит, в институт готовит, репетиторствует бесплатно. Аспирантам в МГУ помогает диссертации защищать, а потом и докторские, и все бесплатно. А у самого одно пальтишко демисезонное на все про все. Холодно ведь, говорю ему, купили бы зимнее, с каракулевым воротником. Нет, говорит, Клавдия Афанасьевна, не холодно вовсе, телогреечка закалила. Спасибо ей, не дала замерзнуть-то, и закалила» «У него ведь и семья была, и дети, да отказались они от него, когда врагом народа признали, а потом уехали за границу. Плохо ему одному, Валентин, да и тебе не легче, а плохо на плохо и будет хорошо. Поверь, мне ведь тоже было плохо, а теперь и ничего, живу вот», – подытожила Клавдия Афанасьевна и улыбнулась Княжину.

После окончания седьмого класса Андрей Карлович пригласил Валентина пожить в каникулы у него: «Понравится, можешь остаться, не понравится – вернешься в интернат». Все ребята разъехались к родителям, и Валентин согласился. Жил Андрей Карлович в двухкомнатной квартире на Пироговке, оставшейся ему от сестры Суламифи Карловны, единственного человека, который ждал его из лагеря. Дождалась, прописала его к себе как родного брата, и умерла. А Рутберг снова остался один-одинешенек. Увидев квартиру, Валентин был очень удивлен – она была обставлена с большим вкусом старинной мебелью из мореного дуба. Паркетные полы укрыты дорогими коврами, и, хоть везде был беспорядок, все говорило о том, что здесь жили очень состоятельные люди когда-то. Валик никогда и не видел

таких квартир, все его представление о квартирах сводилось к обшарпанным комнаткам цирковых гостиниц-общежитий. Но больше всего его потрясло обилие книг в квартире и большой разноцветный попугай, восседавший на жердочке огромной клетки у окна. Первое, что сделал Андрей Карлович, войдя в квартиру, – покормил попугая, и тот сказал ему: «Ара хороший» – скрипучим, картавым голосом. Андрей Карлович провел Валика в малую комнату и сказал: «Вот это твоя комната, Валик, здесь ты будешь заниматься и спать. А кушать мы будем на кухне». И он провел его в кухню. «Вон там ванная, туалет, а здесь прихожая со шкафами. Правый шкаф полностью твой. Наверху антресоли, тоже можешь занимать, мне ведь все равно не дотянуться до них. На балконе велик твой поставим и лыжи с коньками, когда купим. Ты ведь умеешь гонять на велике и на лыжах?» – спросил, прищурясь в улыбке, Андрей Карлович. И Валик мотнул головой в знак согласия. Они поужинали. Рутберг принялся за чтение, а Валентин отправился в «свою» комнату – осваиваться.

Проснулся Валик от жуткого крика попугая: «А ну, встать, падлы! Подъем, паскуды, план пора Родине давать!» И попугай Ара вдруг громко и противно запел: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой. Братский союз и свобода – вот наш девиз боевой!» Если сказать, что попугай пел ужасно, значит, ничего не сказать. Пел он отвратительно, картавил, не строил и каркал, подкашливая. Валентин соскочил с кровати и в дверях столкнулся с Андреем Карловичем, улыбающимся и довольным. «Доброе утро, Валик, забыл тебя предупредить, что мой Ара – неважный певец». Валику вдруг отчего-то стало весело, и они рассмеялись. Каникулы они прожили вместе, интересно и содержательно. Проехали на электричках по «Золотому кольцу», вокруг Москвы, с рюкзаками и палаткой. Купили Валику и велик, и коньки, и лыжи, а также одежду новую. Кроме химии, которой Андрей Карлович посвящал много времени, обучая Валика, он стал его учить и немецкому языку (уж его-то он знал в совершенстве с детства), приговаривая: «Начнем-

ка, Валик, мы с тобой немецкий учить, а там, глядишь, и до латыни доберёмся. А латынь обязан знать любой химик, даже начинающий, тогда и интерес к науке будет совсем другой, знаешь один язык – думаешь одной головой, знаешь два – двумя. В общем, чем больше языков ты знаешь, тем больше голов имеешь. Но латынь, Валик, дело особое! Это язык ученых и философов, появившийся из фалийской ветви италийских языков – это язык немногих избранных, которые знают многое и могут многое. Мы им займемся зимой, по особой системе, придуманной мною. И учить интересно, и запомнить легко».

В общем, за время этих каникул они подружились по-настоящему и всерьез. Приемный сын Андрею Карловичу нравился все сильнее и сильнее. Ему нравилось упорство мальчика, его трудолюбие, целеустремленность, сдержанность в желаниях и капризах, чистоплотность, усидчивость и совсем не детские суждения обо всем. К тому же он оказался очень спортивным и, как говорят, рукастым пацаном. Смастерил в своей комнате шведскую стенку с турником. Повесил кольца гимнастические для занятий и боксерскую грушу. Приобрел гантели в спортивном магазине, притащил откуда-то самодельную штангу и каждое утро занимался на всех этих снарядах по два часа кряду. Для Андрея Карловича это было непостижимо. Что еще удивляло приемного отца, так это отношение Валика к попугаю. Он никогда не кормил его, не поил, но мог смотреть на него часами. Встанет рядом и рассматривает внимательно, будто изучает – как это он на перекладине держится? Однажды Андрей Карлович рассказал Валентину, что этого попугая он привез из лагеря, когда освободили. Начальник подарил за ненадобностью, его переводили в Москву. Голос этого Ары люто ненавидел весь гулаг, потому что хозяин зоны каждое утро приходил в свой кабинет, где стояла клетка с попугаем, брал микрофон включенный, снимал черное покрывало с клетки, и Ара командовал: «А ну, встать, падлы! Подъем, паскуды...», а потом пел. А начальник наливал себе стакан водки из графина в это время и пил горькую.

А потом ему, Рутбергу, протягивал ногу в сапоге, чтобы снял и лечил экзему. Так он и выжил в лагере, благодаря экземе начальника. «А Ара – хорошая птица, она не имеет отношения к тому, что творят люди, и ничего не знает о лагерных порядках» И он его кормил, поил, лечил все эти десять лет. А теперь они оба – реабилитированные, свободные в свободной стране. Валентин все выслушал и молча ушел в свою комнату. «Хороший мальчишка, добросердечный», – подумал Андрей Карлович.

В восьмой класс после каникул в школу вернулся совсем другой мальчик Валентин Княжин. Он вытянулся, раздался в плечах, стал более спокойным и сосредоточенным. На уроках учителя просто не узнавали Валентина. И за первую четверть он из обычного троечника превратился в отличника, правда, пришлось его подтягивать по русскому и литературе молодой учительнице Наталье Николаевне. Она только пришла в школу после института и, когда она занималась с ним после уроков по просьбе Андрея Карловича, думала о непростой судьбе своего ученика. О переезде в интернат Валика даже и не говорили, он остался жить у приемного отца. Так прошли два учебных года, и Валентин Княжин сдал все выпускные экзамены на «отлично». Андрей Карлович очень гордился приемным сыном и в смены вахтера-калеки Клавдии Федоровны Янтарной присаживался с ней рядом и строил большие планы на будущее Валика: «Он будет ученым. Он будет большим ученым, Клавдия Федоровна. Академиком будет, профессором, я в этом даже не сомневаюсь. У него уникальные способности и уникальный характер для науки. Твердый, усидчивый, трудолюбивый мальчик. И сметка есть, все логично выстраивает, рассудительно. А память какая? Замечательная память, два раза прочитал и все запомнил. Вот какой у меня мальчик, Клавдия Федоровна, вот какой у меня сын», – говорил, расчувствовавшись, Андрей Карлович. Да и не только он нахваливал своего сына – все учителя школы были поражены его успехами и радовались за него. Правда, золотую медаль не дали: какие-то старые хвосты. «Но почетную грамоту ты заслужил честно,

Валентин», – громко произнесла директриса Мария Зигмундовна на торжественном собрании, вручая Княжину грамоту.

Все готовились к выпускному вечеру по случаю окончания школы. Только Андрей Карлович и Валентин оставались к этому мероприятию равнодушными. Они по-прежнему усиленно занимались по системе Рутберга. И лишь накануне выпускного Андрей Карлович вспомнил и растерянно произнес: «Валик, а в чем ты пойдешь на выпускной вечер? Надо же нарядно выглядеть. Ну-ка собирайся, едем в ГУМ за костюмом, рубашкой белой и галстуком. И еще нужно новые ботинки купить тебе, желательно лакированные, с узкими носиками. Едем немедленно!» Они приехали в ГУМ на метро. Народу было, как ни странно, немного. Нашли отдел подростковой одежды и стали примерять нарядную одежду, которую нарядной можно было назвать с натяжкой. Молодой, шустрой девушке-продавщице чем-то понравился сдержанный, крепкий мальчик с мужественным лицом, и она спросила Андрея Карловича: «Внука на бал собираете?» Тот весело ответил, что этот молодой принц действительно собирается на выпускной бал завтра, только он не внук, а приемный сын. Девушка с любопытством оглядела странную парочку и тихо проговорила: «Ждите в примерочной, сейчас принесу». И ушла. Минут через пять она принесла в чехле костюм. «Примерьте, этот малость подороже, но настоящий, импортный костюмчик», – опять тихо проговорила продавец. Валик натянул брюки, надел пиджак на рубашку, и Андрей Карлович ахнул: «Вот это Валик, ты в этом костюме, и правда, настоящий принц датский». А девушка добавила: «К нему бы бабочка не помешала». И ушла. Через минуту она вернулась с галстуком-бабочкой. И Валентин с помощью этой девушки преобразился окончательно. Она упаковала покупки и подсказала, где обувной. А Андрей Карлович подарил девушке шоколадку, купленную в соседнем буфете. Лакированных ботинок не было, но нашлись другие, достаточно подходящие для такого случая. Они, довольные и счастливые, вернулись домой, поужинали и легли

спать. Вечером на следующий день Валик выглядел на все сто, был самым нарядным выпускником мужского пола. И Андрей Карлович радовался за Валика как ребенок. Он даже позволил себе выпить за выпуск в учительской, с коллегами, и по-английски отправился домой, шепнув Валику об этом на ходу. После торжественной части начались танцы под оркестр ВИА. Как только зазвучали традиционные для выпускных вечеров вальсы, пацаны направились в туалет, к припасенным там бутылочкам бормотухи, купленными вскладчину. Позвали и Валика. От нечего делать Валентин отправился с коллективом, но поначалу пить отказался. Тогда кто-то из пацанов заявил: «Ты чё, Валька, дедка своего конишь, что ли?» «Какого дедка?» – удивленно переспросил Валентин. «Да химика своего двинутого, каркаровича», – ответил тот же пацан. «Никого я не коню», – ответил Валик, взял бутылку «Биле-минцне» и выпил из нее половину через горлышко. Пацаны весело стали болтать о девчонках, кто кого будет кадрить и куда поведет после бала. Один Валик стоял и молчал удивленно, а потом спросил того пацана, который Андрея Карловича назвал каркаровичем: «Это ты сейчас обозвал Андрея Карловича двинутым каркаровичем?» Пацан нагло посмотрел на Валика и ответил: «Ну, я. Что, только что дошло до тебя, что ли?» Валентин ответил: «Да», и парень рухнул на пол от мощнейшего удара правой в челюсть. Другие пацаны было двинулись на него, но тут же улеглись рядом с обидчиком, а остальные кинулись наутек из туалета. Валентин спокойно вымыл руки над раковиной и отправился за ними в спортивный зал, где проходили танцы, осторожно переступив через лежавших. В зале звучала громкая музыка, и выпускники бойко отплясывали под модные шлягеры того времени. Валентин огляделся, нашел сбежавших пацанов, чувствовавших себя в относительной безопасности среди веселящейся толпы. «Какой дурак будет махаться на виду у всех?» – думали они, с опаской поглядывая на Валика. А он спокойно подошел к ним и методично уложил всех на пол, одного за другим. Раздались крики и визги. Остальные выпускники, кто посмелее, кинулись к Валентину, но он и их

уложил. Наталия Николаевна, учительница русского и литературы, побежала в учительскую и вернулась оттуда с учителем физкультуры. Он был тренером почти всех секций в школе и непререкаемым авторитетом для учеников. Валентин стоял один посреди зала среди валявшихся парней. Оркестр перестал играть, и наступила мертвая тишина. Тренер Сергей Александрович подошел к Валентину и громко спросил: «Ты что это творишь, Княжин?» Сергей Александрович был очень крепким физически мужчиной лет пятидесяти. Он не просто ценил и уважал Княжина, который последние два года занимался во всех его секциях, неизменно выступал за школу на всех соревнованиях и обязательно выигрывал все эти состязания. Он любил этого парня-сироту как родного сына и даже жалел, что не он усыновил Валика после трагедии. Он гордился Княжиным. Он всегда хвалил его на всех педсоветах и говорил, что такого одаренного спортсмена у него не было за все долгие годы преподавания. «Я еще раз спрашиваю, ты что творишь, Княжин?» – раздался суровый, властный голос учителя. «Уйди с дороги, тренер», – ответил спокойно Валентин. «Ты как со мной разговариваешь, щенок?» – тихо произнес тренер и тут же рухнул на пол к остальным лежавшим. Княжин так же спокойно перешагнул через него и в полнейшей тишине направился к выходу. Когда он пришел домой, Андрей Карлович кормил попугая, смешно разговаривая с ним. Увидев Валентина, он удивленно спросил: «Ты что-то рано, Валик?» «Бал окончен», – ответил Валентин и ушел в свою комнату. Андрей Карлович весело крикнул ему вдогонку: «Кошмар, что это за выпускные вечера нынче? В наше время мы гуляли до утра!» И Рутберг вдруг запел: «А рассвет уже все заметнее, так, пожалуйста, будь добра, не забудь и ты эти летние, подмосковные вечера». Надо сказать, что пел он так же плохо, как и Ара. Валентин снял костюм, аккуратно повесил его и рубашку на вешалку в шкаф, туда же поставил и ботинки, надел треники, вышел к Андрею Карловичу и сел на диван. «Да, в наше время мы гуляли до рассвета. Ходили на Красную площадь всем нашим выпускным классом. Ходили в парк Горького. Катались на трамвайчике по

Москве-реке и не хотели расходиться до утра. Прекрасное время – молодость. Чудесное время ожиданий. И студенческие годы великолепны. Скоро ты это сам узнаешь, Валик, дорогой. Ты готов к поступлению в лучшие вузы страны, но я бы тебе посоветовал МГУ или Бауманский. А самый перспективный, на мой взгляд, для науки – Московский государственный университет тонких химических технологий имени Ломоносова, старейший вуз страны, с богатыми традициями. И я там учился когда-то, а потом преподавал до войны. А потом надо было Родину защищать, в армию меня не взяли по здоровью, а направили в аптечное управление, да вот не справился я с возможными обязанностями, ну и упекли меня на десять лет Ару кормить», – печально закончил Андрей Карлович. «А я справлюсь, – вдруг неожиданно проговорил Валентин. – Я поступаю в Пермское ВКИУ, высшее командно-инженерное училище, на факультет физико-энергетических установок – это ядерное оружие». Андрей Карлович аж присел от удивления на стул рядом с клеткой Ары. Он помолчал, моргая, а потом весело произнес: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Валик, это же пожизненная казарма. Там же нет науки – одна муштра. Туда одни троешники поступают, Валик, чтобы не учиться, а маршировать и командовать людьми. А ты готов для поступления в настоящий вуз. Ты можешь заниматься наукой. Ты можешь стать настоящим, выдающимся ученым с мировым именем. Перестань шутить, Валик, я тебя умоляю. Так может рассуждать только такая глупая птица как Ара, знающая дюжину слов на все случаи жизни» Валентин спокойно встал, подошел к клетке рядом с сидевшим Андреем Карловичем, открыл ее, взял попугая в руки и резко оторвал ему голову. Постоял секунду перед опешившим Андреем Карловичем и бросил дергающееся в конвульсиях тельце птицы и голову к его ногам. «Больше нет глупой птицы, а я поступаю во ВКИУ. Точка», – произнес он твердо и так же спокойно. Андрей Карлович опомнился, соскочил со стула, потом встал на колени перед изувеченной птицей, схватил ее руками, пытаясь соединить голову с туловищем и вдруг замер. Он поднял

на Валентина огромные глаза, полные слез, и произнес: «Что ты наделал, Валентин? Что ты натворил? Это же живое, беззащитное существо, не сделавшее тебе ничего плохого. Ты негодяй, Валик. Ты мерзавец. Ты такой же подонок, как и те, кто в лагере избивали меня до полусмерти, а потом бросали в карцер на бетонный пол подыхать. Но я не подыхал, и они снова меня избивали, и опять ждали, когда я подохну, но я не умер там, на радость им. Но ты, бесчувственный зверь, убил меня сегодня тут. Ты чудовище. Ты, ты...» – и Андрей Карлович схватившись за сердце, повалился ничком на пол и стал хрипеть и сучить ногами. Валентин присел на корточки, перевернул Андрея Карловича на спину, посмотрел на него, не торопясь, взял старика на руки и унес его на кровать. Потом ходил на кухню, взял совок с веником, замел тельце птицы, перья и голову на совок и отнес в мусорное ведро. Вымыл руки, вернулся в комнату, выключил свет и ушел к себе спать. Утром он встал, надел треники и подошел к кровати Андрея Карловича. Он был мертв. Княжин спустился на улицу к телефону-автомату, набрал 02 и сообщил в трубку о смерти приемного отца. Очень скоро приехала милиция. Осмотрели место происшествия и стали составлять протокол. Приехали медики. Врач осмотрел тело покойного и констатировал смерть от обширного инфаркта миокарда. Приблизительное время кончины – три часа ночи. «А чего ты скорую не вызвал, парень?» – спросил один из милиционеров. «Андрей Карлович сказал, что не надо, полежу, сказал, и все пройдет», – спокойно ответил Валентин. «Все пройдет, а вот и не прошло», – проговорил тот же милиционер. «Клетка есть, а где птица?» – спросил он у Валентина. «Улетела по неосторожности недавно», – ответил Валик и продолжил: «Вы бы сообщили о смерти Андрея Карловича в школу, товарищ милиционер». «Приедем в отделение, позвоним», – ответил тот.

А в школе в это время шел экстренный педсовет по поводу вчерашнего чрезвычайного происшествия, который созвала директриса. «Сергей Александрович, так нельзя, необходимо принять срочные меры к хулигану.

Нужно написать заявление в милицию. Нельзя же такое пускать на самотек», – высказывала свое мнение Мария Зигмундовна. «Не буду я писать никаких заявлений. Валик отчасти прав. Эти клоуны оскорбили его приемного отца, он и стал защищать Андрея Карловича. Я бы тоже за своего батю морду набил кому угодно. И мне нужно было вначале разобраться, а не обзывать Валентина щенком-то при всем честном народе». Вошла Таисия Ренатовна, маленькая неугомонная женщина, секретарь директора, и тревожно заговорила: «Товарищи, минуточку внимания, из милиции позвонили». «Ну вот, здравствуйте, пожалуйста. Уже прознали!», – звонко проговорила Мария Зигмундовна и подняла руки над головой. «Ничего не прознали. Сегодня ночью скоропостижно скончался Андрей Карлович Рутберг», – проговорила Таисия Ренатовна, и зачем-то добавила: «Наш учитель химии». Новость шокировала всех собравшихся, без исключения. И, как говорится, одна беда другую гонит. «Как скончался, когда, почему?» – воскликнула Мария Зигмундовна и опустила руки. «Я уже сказала, сегодня ночью от обширного инфаркта миокарда», – ответила Таисия Ренатовна. «Еще не лучше, да что же это такое? – почти прокричала директриса. – А Валентин-то где?» «Валентин дома, он и вызвал милицию и врачей, а Андрея Карловича увезли в морг», – закончила Таисия Ренатовна. «Так, – проговорила Мария Зигмундовна, на ходу соображая, что делать. – Председатель профкома Надежда Ивановна и Вы, Таисия Ренатовна, найдите же его адрес. Все, товарищи педагоги, педсовет окончен». Пока директриса с помощницами добивались, Валентин вынес клетку Ары во двор и поставил ее рядом с мусорным контейнером. Только он поднялся в квартиру, раздался звонок. На пороге стояли директриса, Таисия Ренатовна и Надежда Ивановна, взволнованные и растерянные. «Что произошло, Валентин?», – спросила Мария Зигмундовна, войдя в прихожую, а помощницы за ней. Валентин закрыл дверь и спокойно ответил: «Сегодня ночью Андрей Карлович умер». «Это мы уже знаем. Ты рассказал ему вчера о случившемся на выпускном?», – опять спросила директриса. «Да, рассказал,», – ответил Валентин и прошел в комнату.

«Зачем ты это сделал? Ты же убил старика», – почти прошептала Мария Зигмундовна и опустилась на диван. «Он все равно бы узнал, так лучше уж от меня», – ответил Валентин, стоя посреди комнаты. «Господи Боже мой! Да разве так можно. У него же больное сердце. У него же годы лагерей за плечами. У него же кроме тебя ни одной живой души рядом, а ты ему все это на голову вывалил. Сначала натворил черт знает что, а потом вывалил. Таисия Ренатовна, принесите воды, пожалуйста», – и Мария Зигмундовна заплакала. Таисия Ренатовна побежала на кухню, а Надежда Ивановна принялась успокаивать Марию Зигмундовну. Она, немного успокоившись, отпила из стакана воды и проговорила: «Надежда Ивановна, дорогая, вы займитесь организацией похорон. Место на кладбище – через горно. Прощальный митинг – в школе. Транспорт... Материальную помощь получите в бухгалтерии, я подпишу. А вы, Таисия Ренатовна, организуйте, пожалуйста, поминки в нашей школьной столовой. А вот что нам с тобой-то делать, Валентин?» «Что хотите, то и делайте, но я бы хотел уехать», – проговорил он спокойно, стоя все так же посреди комнаты. «Как уехать? Куда уехать? Ты же опять осиротел, несчастный ты мальчик», – растерянно проговорила Мария Зигмундовна, и опять зарыдала. Валентин помолчал немного и проговорил: «Я хотел бы уехать в Пермь для поступления во ВКИУ – Высшее командно-инженерное училище». Мария Зигмундовна была впечатлительной женщиной, да, собственно, как все женщины, но имела практическую жилку, и быстро соображала. «А ведь это вариант: высшее командное, – подумала она про себя, – Армия все же, дисциплина, а ему сейчас никак нельзя без присмотра, возраст сложный, да и сирота – кому нужен, тут свои-то не нужны даже родителям». «Ты знаешь, Валентин, – произнесла Мария Зигмундовна, – я думаю, что Андрей Карлович не одобрил бы твое решение, он ведь все наукой грезил, несчастный, а я твое решение одобряю. После похорон приходи в школу, Таисия Ренатовна подготовит все документы для поступления, и езжай с Богом». «Все будет сделано, Мария

Зигмундовна, не беспокойтесь», – проговорила секретарь и посмотрела на часы. Директриса поднялась, и вся делегация пошла на выход, не прощаясь.

А в это время крепко выпивший молодой патологоанатом готовил Андрея Карловича к вскрытию в морге. Он обратил внимание на сильно сжатый кулачок учителя. Патологоанатом кое-как разжал кулак старика и увидел в нем перышко зеленого цвета какой-то птицы. «Что за хрень? – произнес он, рассматривая находку через толстые стекла очков, – На кой оно тебе, дедок, перо это понадобилось? Если ты был святым, крылья тебе там и так выделяют, не переживай. А мягче от него в могиле не станет». И врач бросил перышко в большой железный ящик для нечистот.

Похороны прошли тихо и организованно. Похоронили Андрея Карловича Рутберга на Щербинском кладбище за МКАД, хотя, как позже узнает Валентин, Рутберг в записке просил похоронить его вместе с сестрой на Ваганьковском. У них, оказывается, там был маленький семейный склеп. Так кто же знал-то? Наутро после похорон Княжин получил у Таисии Ренатовны в школе документы и характеристику для поступления в военное училище. В ней было указано, что Валентин комсомолец, отличник, спортсмен-разрядник, и ничего о драке на выпускном. Он уже собирался уходить, как в дверях кабинета появилась директриса Мария Зигмундовна. «Так, Княжин, пройди-ка ко мне, и вы, Таисия Ренатовна, тоже» – проговорила она, поглядев на того и на другую. «Валентин, – снова заговорила она, усевшись за стол. – Ты вот знай, что в школе нашей тебя понимают и беспокоятся за тебя. Приходи в любое время за советом, за помощью. Пиши мне, как твои дела, или звони. И вот еще что. Как ты собираешься поступить с квартирой?» «Никак не собираюсь. Закрою и уеду», – ответил выпускник. «Так нельзя, нужно платить коммуналку. Нужно приглядывать за ней. Я вот что подумала. У меня есть фонды оплаты жилья для молодых специалистов. Ты мог бы пустить на квартиру свою учительницу по русскому и литературе, Наталю Николаевну. Она девушка чисто плотная, порядочная, и нуждается в

жилые. Да и тебе какие-никакие деньги не помешают», – проговорила Мария Зигмундовна, пристально глядя на Княжина. «Я не против. Пусть живет», – ответил Валентин. «Тогда вечером жди ее в гости, все обговорите. А там уж в путь. А вы, Таисия Ренатовна, проконтролируйте все как надо», – подытожила директор. «Будет сделано, Мария Зигмундовна, все проконтролирую, не беспокойтесь», – уверенно сказала секретарь.

На следующий день, в 16.05, Валентин Кляжин уехал с Ярославского вокзала в Пермь, поступать в Высшее командно-инженерное училище, а Наталья Николаевна заехала на временное проживание в его освободившуюся квартиру, как опекун. Поступил Кляжин в училище без проблем, сдав все на отлично. Осенью приступил к занятиям, и его избрали комсоргом группы. А весной он был уже отличником боевой и политической подготовки, спортсменом-разрядником, лучшим курсантом на доске почета и комсоргом курса. Успехами Княжина заинтересовался сам начальник училища – генерал-майор Кудряшов Владимир Иванович. Он прочитал его личное дело и вызвал курсанта к себе. Валентин произвел на генерала очень хорошее впечатление. Курсант был спокоен, сдержан, четко отвечал на вопросы. А когда дело дошло до химии (начальник был химиком по первому высшему образованию), так просто нарадоваться не мог глубоким познаниям в химии этого молодого, подтянутого, волевого человека. «Вам нужно в партию вступать, товарищ курсант. Я лично дам вам рекомендацию и буду ответственен за ваше дальнейшее продвижение по службе. Ведь партия – наш рулевой, и на курсантов есть квоты», – по-военному четко проговорил генерал-майор Кудряшов, довольный своим решением. Княжина на первом же партсобрании приняли кандидатом в члены КПСС, а на третьем курсе – и в члены. Он упорно занимался всеми дисциплинами военной науки и спортом, а в выходные неизменно бывал в увольнениях в городе. В Перми он освоился уже неплохо за это время, ходил в кино с товарищами, в картинную галерею, музей, зоопарк, в театры и на танцы в клуб Госторговли, рядом с

училищем. И однажды, под Новый год, познакомился там с девушкой Людмилой. Она поразила его красотой своего лица, стройностью фигуры, какой-то хрупкой и беззащитной на фоне других девчонок, но главное – она очень походила на его маму Александру-Валентину Княжину. Он подошел к ней и просто спросил: «Как вас зовут? Меня зовут Валентин, а вас?» «Люда», – ответила она и оглянулась растерянно: неужели этот парень подошел к ней? Они потанцевали. Она рассказала ему, что учится в школе-интернате при Пермском хореографическом училище. Что родом из Ленинграда. Он в ответ поведал, что тоже учился в школе-интернате при Госцирке, а теперь курсант третьего курса ВКИУ. Хотя об этом можно было и не рассказывать. Курсанты в форме и привлекали всех девушек города в этот невзрачный клуб Госторговли. Валентин проводил Людмилу до общаги, а сам пустился бегом в училище, чтобы не опоздать из увольнения. Он был в приподнятом настроении и всю неделю ждал выходных. Что уж говорить про девушку. Она была без ума от счастья. Ей повезло познакомиться с таким красавцем. Мужественным, волевым, сильным, умным. Через неделю они встретились, и эти встречи стали носить регулярный характер, вплоть до 8 марта. В этот весенний праздник Валентин подарил ей три гвоздики, других цветов не было, и первые в ее жизни духи. Настоящие французские духи «Нина Ричи», в красивой белой коробочке. Они погуляли по размокшим от солнца мостовым набережной реки Камы и отправились все в тот же клуб Госторговли. Народу на танцах было много. Все в приподнятом настроении и чуточку навеселе. Оттанцевали пару танцев, и Людмила попросилась в женскую комнату. Валентин проводил ее, а сам направился в мужской туалет. Там курсанты курили и выпивали, как положено. Один из них, старшекурсник, застегивая ширинку, весело произнес, глядя на Валентина: «Курсант, а неплохую телку ты закадрил. Только худая как велосипед. Будешь дрючить, за задницу возьмешь и почувствуешь свой член в ладонях. Не надоело его чувствовать в казарме?» Валентин посмотрел на него внимательно и ответил: «О чем это вы, старший курсант?» Вымыл руки и

ушел из туалета под дружный смех присутствовавших. Настроение у него сильно подпортилось. Появилась Людмила. Он глянул на нее и ласково сказал: «Пойдем отсюда, Людмила, лучше где-нибудь погуляем». Она посмотрела на него с улыбкой и ответила: «Пойдем, если хочешь». Они оделись и вышли на улицу. Прошли через сквер к обкому партии, вышли на улицу Ленина и направились к ЦУМу. Перешли Комсомольский проспект и оказались у кафе «Юность» на углу Ленина и Комсомольского. «Может, зайдём, ты, я вижу, замерзла», – предложил Валентин. «Зайдем, если хочешь», – ответила Люда. Постояли полчаса в очереди и вошли внутрь. Там звучала итальянская эстрада, было весело и шумно. Мальчишки охотились на девочек, не предполагая, что на них тоже ведется охота. Но когда дичи хватает всем, агрессии не наблюдается. Валентина и Людмилу раздели в гардеробе и провели в зал, за дальний столик на двоих. Подошла миловидная официантка и спросила: «Что будете заказывать?» «Кофе, два, и пирожное», – ответил Валентин, он здесь уже бывал не раз и запомнил девушку, она его тоже. «А коктейль?» – спросила официантка. «Какой коктейль?» – переспросил Княжин. «Ну, не молочный же?» – снова удивленно спросила официантка. «Давайте два коктейля, спасибо», – ответил Валентин. Заказ быстро был выполнен, и он, подняв высокий тонкий стакан с ароматной вишневой жидкостью, произнес: «С праздником, Люда, с восьмым марта». «Спасибо, Валентин», – ответила спутница, и они пригубили вкусный напиток. Попробовали пирожное и кофе. О чем-то поговорили весело и опять пригубили. Когда коктейль закончился, Валентин попросил повторить. После третьего повтора девушка-официантка с улыбкой проговорила: «Осторожнее, курсантик, тут патруль все время дежурит». «Спасибо за предупреждение, и повторите нам еще», – ответил любезно Валентин. Они разделались с новым коктейлем, Валентин рассчитался, и направились на выход. Настроение было прекрасное, и вечер после долгой зимы, уютного кафе и коктейльчиков казался теплым. Прошли по Ленина до Карла Маркса и свернули в сквер Театра оперы и балета. И там Валентин неожиданно остановил Людмилу,

обнял, крепко прижал к себе и в первый раз поцеловал. Она была без ума от счастья. От волнения, от весны, от поцелуя, от любви к нему. Валентин тоже почувствовал накативший на него поток радости и удовольствия от невинной долгожданной близости. Но тут на него надвинулась откуда-то издалека, изнутри, необъяснимая, страшная злоба. Злоба не на себя, не на девушку, трепетавшую в его объятиях. Эта злоба была адресована тому самому старшему курсанту из туалета в клубе Госторговли, потому что он оказался прав насчет худобы Людмилы. Как будто бы уже держал ее в своих объятиях, в своих похотливых руках. Валентин так был изумлен этой мыслью, что невольно отпустил девушку, отдернул руки и чуть не оттолкнул ее от себя. Потом быстро проговорил: «Извини, Люда. Мне нужно срочно идти. У меня завтра плановое дежурство по училищу в шесть утра». Развернулся и быстро ушел из сквера, а обескураженная, удивленная, ошарашенная девушка осталась одиноко стоять на тротуаре с небольшой сумочкой и гвоздиками в руках. Она была так шокирована произошедшим, что не могла сдвинуться с места. А когда остолбенение немного отпустило, развернулась и медленно пошла в сторону своей общаги. В общежитии было пусто и тихо, праздник был снаружи. Она поднялась в свою комнату, положила гвоздики на батарею и прямо в одежде и в обуви бросилась на свою кровать ничком, уткнувшись в подушку. Она не плакала, а бесшумно выла в нее целый час. После поднялась, разделась, умылась и легла в постель, думая про себя: «Так тебе и надо, дуре стоеросовой. Размечталась о таком красавце, губы раскатала. Конечно, у него есть другая, вот он и ушел к ней. А тебе преподнес прощальный подарок». И она уснула от бессилия. А Валентин в это время вернулся в клуб, разделся и прошел в зал, до отказа набитый празднично танцующими. Осмотрелся и увидел возле эстрады старшего курсанта в окружении компании старшекурсников и нарядных девушек. Валентин пробрался к ним и, спокойно глядя в лицо здоровяка, спросил: «Вы о чем-то спрашивали меня в туалете, товарищ старший курсант?» Тот посмотрел пренебрежительно на него и произнес в ответ: «Дрочить не надоело в

казарме?» И тут же рухнул на пол от мощного удара в челюсть. Друзья старшекурсника незамедлительно кинулись на Валентина, но методично и быстро были уложены рядом. Оркестр перестал играть, и вся публика, не понимая, что происходит, уставилась на Валентина, спокойно стоявшего над упавшими парнями. Кто-то из толпы крикнул: «Наших бьют!» И значительная группа парней кинулась к Валентину, к тому времени уже мастеру спорта по боксу. Он неторопливо, но резко встречал нападавших поставленными ударами и валил на пол. Когда желающих валяться не осталось, наступило замешательство, и все замерли в ожидании, – что будет дальше? Заработало природное, инстинктивное правило «зайца и стаи». Когда добыча – заяц, за которым несется голодная стая, вдруг останавливается, разворачивается к догоняющим, и у него оказываются огромные клыки, страшные, острые когти, здоровенные мускулы на сильных лапах, и он начинает рвать всю стаю. Стая останавливается, поджав хвосты, и ждет вожака, а его уже порвали. А новых нет. «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков...» – как пел в своей песне Высоцкий. И неизвестно, сколько бы продолжалось стояние, да в зал прибежал патруль, вызванный вахтершей тетей Дуней, как только началась драка. Патрульные внутренних войск – капитан, сержант и рядовой, с красными повязками, подбежали к Валентину, все так же возвышавшемуся над ползущими и лежащими людьми. Капитан оглядел количество сраженных, и как-то истерично прокричал: «Вы арестованы! Пройдите с нами!» Но Валентин стоял, не шелохнувшись, как будто и не слышал этого крика. Тогда капитан скомандовал: «Сержант, взять его». И сержант с рядовым нерешительно двинулись к Валентину, но тут же упали. Капитан выхватил табельный пистолет и выстрелил в воздух, не зная, что еще делать. И тут появился рядом с ним старшина Гмыря, прибежавший на выстрел и крики. Гмыря был водителем УАЗика ВАИ, сверхсрочником, который возил этот злополучный патруль. Старшина был огромного роста, под два метра, и таких же внушительных размеров, из-за чего форму емушили по спецзаказу. В молодости он успешно занимался греко-римской

борьбой, и валил весь Уральский военный округ, как говорится, одной левой. Оценив обстановку, Гмыря ушел в глухую защиту и двинулся на Валентина. Капитан, почуяв жоака, двинулся за ним, с пистолетом Макарова наизготовку. Княжин спокойно стоял и ждал, а когда Гмыря приблизился, обрушил на него длинную серию ударов. Но хорошо тренированное тело и опыт старшины выдержали эту серию, и Гмыря, обхватив бойца лапищами, стиснул его в своих объятиях. И опять же, как пел Владимир Высоцкий, «и тогда уже все позабавились». В общем, Валентина скрутили, надели на него наручники и утащили в УАЗик. Закинули его там в задний решетчатый отсек. Приковали другими наручниками к специальной скобе и, довольные победой, полезли в машину, в салоне которой помещалось не пять человек вместе с водителем, как обычно, а лишь четверо. Потому как сиденье водительское было отодвинуто до предела к заднему, иначе Гмыря не умещался в машине. Княжина увезли на гауптвахту в Красные казармы. Утром замполит, подполковник Улиткин доложил начальнику училища генерал-майору Кудряшову о ЧП во всех подробностях. Начальник был с жуткого похмелья, как и замполит. И первое, что спросил: «Пьяный был курсант?» «Да нет, вроде, товарищ генерал-майор», – ответил Улиткин. «А чё тогда дрался?» – снова спросил Кудряшов. «Вроде как старший курсант Яцек девушку Княжина оскорбил в туалете», – проговорил замполит. «Ну, за этих целочек можно и подраться, тем более в их праздник. Вызывай машину, сейчас позвоню ихнему генералу, и поедешь за Княжиным. Да, захвати с собой пару бутылок коньяка. Завезешь генералу», – произнес командир и стал звонить. Несмотря на послепраздничное утро, генерала сразу нашли. «У аппарата», – послышался его звучный голос в трубке. «Здравия желаю, товарищ генерал, это Кудряшов», – проговорил начальник училища. «Здравствуй, Владимир Иванович, сегодня здравия не помешает всей стране», – ответил генерал. «Да уж, это точно, Марат Саитович. Ты знаешь, вчера к тебе доставили моего курсантика из клуба Госторговли, подрался немного за барышню на танцах. Не мог бы ты дать команду передать его

моему замполиту Улиткину, он сейчас приедет к тебе, заодно и освежитель привезет от меня лично в подарок», – весело закончил Кудряшов. «Да мне уже доложили о твоём курсанте. Задержание с применением табельного оружия – это уже трибунал, Владимир Иванович», – проговорил с некоторой досадой Марат Саитович. «А ты бы в бумагах не рапортовал об этом, чё парню жизнь портить. За девку ведь дрался. С кем не бывает», – миролюбиво проговорил начальник училища. «Да про это можно было бы и не рапортовать, Владимир Иванович, да только это ведь не всё. Твой курсантик-то Княжин в караулке при губе такой погром устроил, когда привезли – весь наряд в госпитале. Так что не присылай замполита, трибунал ему светит и срок в дисбате тоже», – твердо подытожил генерал Марат Саитович. У начальника училища на лице аж испарина выступила, когда он это услышал. Он покряхтел мимо трубки, прокашлялся и произнес тихо: «Марат Саитович, уважаемый, я же не знал этих вновь открывшихся обстоятельств». «Я понимаю, Владимир Иванович, и хочу искренне помочь, как бы свой косяк загладить тоже. Твоего курсанта, когда привезли, какой-то мудака из моих пидором обозвал, все вы там, говорит, во ВКИУ вашем пидоры, друг друга пялите. Вот твой и принялся дубасить весь наряд. А дальше ты знаешь. Это уже не умолчишь в бумагах. Шило в мешке не утаишь», – сказал генерал внутренних войск. Кудряшов помолчал, снова откашлялся и проговорил тревожно: «Да как же его под трибунал? Он же у меня круглый отличник, на доске почёта висит. Комсорг курса, спортсмен-чемпион, будь оно неладно. Отличник боевой и политической подготовки. Сирота, наконец. Да, он же член КПСС, я сам ему рекомендацию в партию давал», – разгоряченно закончил начальник училища генерал-майор Кудряшов и замолчал. У него аж похмелье прошло от волнения. «Член партии – это другое дело. Делай ходатайство от твоей парторганизации и присылай замполита. Я тебе здесь тоже кое-что пошлю. Точно полегчает, Владимир Иванович», – и генерал Марат Саитович положил трубку. Кудряшов тоже положил трубку. Открыл нижний ящик стола, достал бутылку коньяка, налил

полстакана и хряпнул без закуски. Потом посмотрел на сидевшего рядом замполита и произнес: «Все слышал? Езжай, забирай героя нашего, едрить-кудрить». «Его к вам доставить?» – неуверенно спросил Улиткин. «На хрен он мне здесь нужен! На нашу губу на десять суток за подвиги его, за смелость. И до конца года лишит всех увольнений в город. А по партийной линии строгий выговор закатать. Без занесения в личное дело. Все, исполняйте», – отрезал Кудряшов, в горячке назвав курсанта Княжина «нашим героем».

Как это ни парадоксально, Кудряшов оказался пророком. Все Пермское ВКИУ считало курсанта третьего курса Княжина Валентина Александровича настоящим героем! Несмотря на то, что он поколотил столько своих. Даже те, кого он бил, и кому сломал и повыворачивал челюсти, – даже они считали его героем! И даже сам старший курсант Яцек, зачинщик всей заварухи, и тот считал Княжина героем! Да что уж тут говорить о Яцеке, когда все офицеры и преподаватели считали Валентина Княжина героем! Тут уж лучше Максима Горького, классика нашего, точно не скажешь: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумству храбрых поем мы песню!».

Не думаю, что это будет уместно и скромно с моей стороны, но пусть будет так: «Безумству сильных поем мы песню!»

О девушке Людмиле Валентину пришлось забыть до лета, благодаря своему спасителю от дисбата генерал-майору Кудряшову Владимиру Ивановичу, а там каникулы, а там, глядишь, нашла себе другого. На танцы в клуб Госторговли Людмила больше не приходила никогда. Валентин Княжин тоже. Он с отличием закончил училище и был направлен служить в Забайкальский военный округ в звании лейтенанта. Ни в характеристике, ни в личном деле ни слова о драке не было. Служил он с интересом, был на хорошем счету, считался блестящим офицером, и через полтора года ему было присвоено звание старшего лейтенанта. Занимался теоретическими

разработками. По-прежнему изучал химию. Серьезно увлекся физикой и штудировал труды физиков-ядерщиков. Княжин готовился к поступлению в Ленинградскую академию имени Можайского.

Зимой на учебные запуски новых изделий прилетел из Перми генерал-лейтенант Кудряшов. По правде, запуски его не интересовали, он уже готовился к дембелю и хотел уйти на пенсию генерал-полковником. А поскольку все военное руководство, да и гражданское – из ЦК и даже Политбюро, собиралось на эти мероприятия, он и прилетел порешать вопросы. Но запуски по какой-то причине отменили, и никто не прилетел. От нечего делать он попросил командира дивизии, тоже своего бывшего курсанта, организовать ему охоту на недельку. Тот дал команду закинуть Кудряшова вертолетом в дальнюю таежную избу у речки: «Заодно и порыбачите, там хариуса как селедки в бочке». Генерал-лейтенант поблагодарил и попросил в качестве денщика-проводника сопровождающего старшего лейтенанта Княжина, которого видел в штабе. И ведь это судьба. Командир дивизии вызвал Княжина и поставил задачу сопровождать генерала. На следующий день их, экипированных, с провиантом, карабинами, зимними удочками, ледобурами, лыжами, лопатами, топорами и со всем остальным необходимым, вертолет МИ-8 оттащил за 300 километров в тайгу. Борт завис над речкой близ избы и выгрузил Кудряшова с Княжиным, со всем их скарбом, в глубокий, чистый снег. Стальная птица улетела, а они, в наступившей невообразимой тишине, счастливые и веселые, принялись за обустройство своего лесного жилища. «Мороз и солнце, день прекрасный, э-гэ-гэ!» – прокричал Кудряшов, и эхо отнесло его голос вдаль. Они нашли в снегу деревянные лопаты и стали откапываться. Откопали все имущество, уложили его частично на большие деревянные салазки, и Владимир Иванович уселся сверху отдохнуть, а Валентин принялся с лопатой пробиваться к избе, которая высилась на пригорке среди кедров, елок и пихт большим живописным сугробом. Когда тропа подошла к избе, генерал тоже

взял лопату и направился помогать откапывать. Но делал это неумело, без сноровки, и в конце концов воткнул ее в снег, закурил и уселся на откопанную у стола на улице скамью. А Княжин, раздумавшийся, счастливый, скинув бушлат, работал с таким удовольствием, радостью и умением, что начальник училища смотрел на своего недавнего выпускника с любовью и невольно завидовал ему. Завидовал его молодости, здоровью, его радости от работы, выраженной на лице улыбкой, его предстоящей длинной жизни, полной счастливых событий, красивых женщин, достижений и побед. А у него вот, генерал-лейтенанта, начальника Высшего командно-инженерного училища, уже нет этой длинной жизни, нет здоровья, нет радости от работы, нет таких сил, нет красивых женщин, да и некрасивых тоже, одна жена – пила тупая. Ему осталось и пожить-то, может, лет десять-пятнадцать на этом свете, среди этой красоты, хотя он и тут ошибался. Кудряшов был больше романтиком, чем охотником и рыбаком, но на охоту и рыбалку ездил регулярно и с удовольствием. Он любил природу. Он любил компанию. Он любил лес и речку. Он любил посидеть у костра, послушать байки бывалых, поудивляться, поспорить и согласиться. Но главное – он любил выпить на природе. Выпить он любил везде, но на природе – особенно. «А под дичь?» – как говаривал Андрей Миронов в «Бриллиантовой руке», а ему вторил Анатолий Папанов: «За чужой счет пьют усе, и трезвенники, и язвенники». И хоть существует в среде охотников и рыболовов присказка, что на охоте и рыбалке генералов нет, они есть. И Владимир Иванович Кудряшов – ярчайший тому пример. Его никогда не интересовало, что откуда берется. Его дело – назначить время, дату и дать команду или согласиться на уговоры поехать с кем-то на природу, где все уже приготовлено, и столы накрыты.

А Валентин Княжин тем временем уже откопал избу. Затопил печку-буржуйку сухими дровами. Перетащил весь скарб со льда реки к жилищу. Развел на улице напротив стола костер. Приволок из полыньи ведро с водой

и повесил его на крючок над огнем. «Валя, погрей тушёночки в костре прямо в банке, только предварительно открой. Давно уж не ел. Лучший закусон, скажу я тебе, на природе-то», – душевно проговорил генерал. «Есть, товарищ генерал-лейтенант, погреть тушеночки!» – отозвался Княжин и продолжил: «Я вас от души поздравляю с очередным высоким званием». «Спасибо, старший лейтенант. Когда-нибудь и ты поносишь такие погоны. Всему свое время. А сейчас давай-ка перекусим, да сходим порыбачим. Хариуса натаскаем на вечер. Ушица из хариуса – ух, какая! А жареха? А потрошка с икоркой, да молоками – просто объеденье! А завтра сходим, поохотимся вверх по течению. Вертолетчики мне там лежку показали, погоняем лосика. Может, глухаря подстрелим, или рябчика с куропаточкой. Этих лучше бить из дробовика, но можно и из карабина, хорошо прицелившись», – закончил мечтательно генерал-лейтенант Кудряшов. Валентин поставил на стол перед ним дымящуюся банку тушёнки. Достал сало хлеб, лук, чеснок, нарезал. Принес из обложенного войлоком рюкзака бутылку «Столичной», открыл и налил четверть солдатской алюминиевой кружки. Осторожно пододвинул к генералу и весело посмотрел на него. «А себе, старлей?» – спросил Кудряшов. «А я ведь не пью, товарищ генерал-лейтенант», – ответил Княжин. «На рыбалке, Валя, не пьют, а потребляют. Потребляют даже те, кто от триппера лечится», – вспомнил он кем-то сказанную в такой же ситуации, солдатскую шуточку. «Я лучше пойду, лунки пробурю, товарищ генерал-лейтенант», – попробовал отговориться старлей. «Сейчас вот примем по одной, да по второй, да по третьей под тушёночку горячую, с хлебушком да с лучком, тогда и пойдешь свои лунки бурить. А я пока здесь на столе удочки настрою, мормышки привяжу, червячков наберу пошустрее. Давай, Валентин, за природу, за погоду. А третий тост за женщин», – проговорил генерал и набулькал в другую кружку водки из бутылки. Валентин помялся, почесал затылок, взял кружку и, чокнувшись со старшим по званию, опрокинул ее до дна. Последний раз он пробовал спиртное в кафе «Юность» в Перми, с Людмилой, на восьмое марта. Генерал посмотрел на него и выпил

следом, подумав: «Посмотрим, старлей, как ты водочку держишь? А если не держишь, не видать тебе карьеры в армии как своих ушей». Закусили. Генерал налил по второй. Заговорили. Генерал налил по третьей. Закурил и благоразумно проговорил: «Ну вот, Валя, теперь иди бури лунки, и я делом займусь. Только прежде завари чайку». Валентин нашел закопченный чайник, налил в него воды из ведра, вылил и произнес: «Пойду-ка я свеженькой из проталины зачерпну, уж больно много пепла налетело». Взял чайник и отправился к реке. Зачерпнув воды в чайник, он вдруг почувствовал, что на него что-то нашло. Что-то тяжелое, черно-белое навалило. Отчего зеленая тайга вокруг стала темно-серой. Голубая искристая вода в реке стала черной. Яркое солнце над головой стало блеклым, как в тумане. Даже белый с голубым отливом снег, сверкающий на солнце, превратился в серую, грязную простыню. Валентин поднял голову и увидел, как метрах в двухстах от него, вверх по течению реки, на эту серую простыню вышел большой сохатый лось с короной из могучих рогов. Он ухмыльнулся ему и направился с полным чайником воды к избе. Кудряшов, разложив рыболовные снасти на столе, благодушно наматывал леску на катушку, покуривая. Княжин, повесив чайник над костром и повернувшись к нему, произнес: «Я там лося увидел недалеко. Ну что, генерал, погоняем лосика?» Владимир Иванович ухмыльнулся не зло. Посмотрел поверх очков на Валентина как-то по-стариковски и подумал: «Не держит парень водочку. Не видать ему карьеры». А вслух произнес: «Давай-ка без фамильярности, старлей. Для тебя я все же генерал-лейтенант. И сегодня мы будем рыбку удить на вечер. Хариуса!» Валентин улыбнулся, подошел к стене избы, снял с гвоздя заряженный карабин и спокойно проговорил: «А может, все же лосика погоняем?» – и направил заряженное оружие на генерала. Тот нервно снял очки, положил их на стол, поднялся, глотнул ком в горле и растерянно заговорил: «Ты что творишь, Княжин?» – невольно повторив слова тренера Сергея Александровича, учителя физкультуры школы-интерната. «Да как ты смеешь угрожать оружием старшему по званию? Это же трибунал. Ты что,

устава не знаешь?» – еще более нервно закончил Кудряшов. «Устав здесь ни при чем. На охоте генералов нет, и уставов тоже. И пошли лосика гонять», – ответил старлей и ткнул генерала дулом карабина в живот. Владимир Иванович определил по взгляду серьезность положения, и его благодущие моментально улетучилось вместе с выпитым спиртным. «Что ты делаешь, Валентин, успокойся. Это же безумие. Ты же можешь изувечить себе всю жизнь, остынь. Давай считать, что это была шутка. Давай забудем о ней и пойдем на рыбалку», – произнес генерал почти ласково и очень мягко. «Это не шутка, и на рыбалку мы не пойдем. Мы пойдем лосика гонять», – ответил спокойно, но твердо Валентин. Генерал давно уже понял, что это не шутка, и не знал, что предпринять, думая судорожно: «Кажись, с ума вояка сдвинулся. Что делать-то, едрить-кудрить?» Он посмотрел на второй, висевший на гвозде карабин. Валентин перехватил взгляд и проговорил: «Пойдем с одним карабином». Попятился к висевшему оружию задом, снял, разрядил и продолжил: «К тому же, этот без патронов. На лыжи и вперед, генерал, лосика гонять, а то уйдет». Кудряшов подошел к сугробу, из которого торчали четыре широкие лыжи, подбитые оленьим мехом. Достал две одинаковые и направился вниз по тропе к речке, думая на ходу: «Может, проветрится на ходу псих этот? Хмель пройдет и в себя придет?..» А что было еще делать? Не драться же с мастером спорта по боксу шестидесятилетнему генерал-лейтенанту? Да к тому же этот мастер – псих! Да к тому же у него ружье – боевой семизарядный карабин! Княжин шел сзади, будто конвоируя генерала. В одной руке – карабин, в другой – лыжи. Лось все так же стоял вдалеке вверх по руслу. «А вон и лосик, генерал, встал на лыжи и вперед», – спокойно, но твердо произнес Валентин. Владимир Иванович повиновался и стал пробивать лыжню по большому снегу в сторону животного. Старлей шел сзади и командовал: «Шире шаг, братушки- ребятушки. Дружнее пойдем, а то без лосика придем». Генерал поначалу даже ухмыльнулся и про себя подумал: «Вот же нажрался, засранец. С трех приемов в уматину. Ну, давай, очухивайся быстрее, больше ты спиртного даже не понюхаешь лет

пять. Клоун на охоте». Генерал-лейтенант любил выпить, и такой срок без спиртного был для него страшным наказанием, но он ошибался. Валентин не притронется к спиртному долгие десять лет.

Они дошли до поворота, где раньше стоял лось. Из-за скалы на повороте подул ветер, сдувая снег со льда, и идти стало легче. Лось стоял все так же вдалеке, у следующего поворота, будто играл с охотниками в догонялки. На самом деле он уводил незадачливых стрелков от своего лежбища. «Шире шаг», – скомандовал старлей. Кудряшов прибавил шаг, думая на ходу: «Когда же эта сука протрезвеет? Выпил как котенок из капельницы, а пьяный, будто литру огрел. Слабак. Ненавижу слабаков, кто спиртное не держит. Бабы это в штанах, истеричные, эгоистичные сучки, как моя дрянь. Столько лет терплю из-за детей». Лось подпустил ближе, на расстояние выстрела. Генерал остановился, тяжело дыша, и проговорил: «Стреляй, старлей, только не промахнись». «Нет, так не пойдет. Нам надо наверняка. Ближе подойдем. Вперед, генерал», – спокойно произнес Княжин. И они тронулись вперед. Лось тоже двинулся и скрылся за поворотом. Дойдя до поворота, Кудряшов приостановился. Идти стало опять тяжело из-за снега. Он присел на корточки и опустил руки в снег. «Команды «привал» не было. Вперед и с песней шагом марш», – скомандовал старлей. Кудряшов посмотрел на него снизу вверх и произнес: «Ты лосика хочешь загнать, старлей, или меня?» «Отставить разговоры, – приказал Княжин. – Вперед, генерал, вперед», – и не больно ткнул его стволом. Генерал опять посмотрел на старлея и сказал серьезно: «Ты что творишь, парень? Если грохнуть меня решил, так мочи, а издеваться, измываться надо мной не смей! Я советский генерал. Я ветеран Великой Отечественной...» – и он осекся, получив сильнейший удар дулом карабина в поясницу справа. «Команды «привал» не было. Подъем и вперед», – скомандовал Княжин и замахнулся карабином. Генерал застонал, кое-как поднялся и двинулся вперед. Идти ему становилось все тяжелее и тяжелее, а мысли приходили в голову все

тревожнее и тревожнее. Лось стоял у следующего поворота реки и смотрел в сторону охотников, как будто ждал. Подошли на расстояние выстрела, и он скрылся за поворотом. Идти стало снова полегче по твердому снегу. По расчетам генерала, они шли уже часа два. «Это шесть-семь километров, не меньше, от избы. Когда же эта сволочь протрезвеет? – думал на ходу весь взмыленный, мокрый насквозь Владимир Иванович, – Время к вечеру, скоро темнеть начнет. Тогда что? Может, по темноте деру дать? А куда? Кругом тайга. В избе забаррикадироваться? Продуктов там навалом. Да как до нее добраться-то первому? И, как назло, ни именного при себе, ни ножа, ничего. А тут, пожалуй, без открытой схватки не обойдешься». Лось опять стоял и ждал у следующего поворота. Дошли до поворота, там снова снег с ветром надуло. Прошли метров двадцать по высокому снегу, и генерал присел, будто отдыхая. Опустил руки на лыжи и потихоньку высвободил ноги из креплений. Старлей подошел вплотную и остановился. И тут Владимир Иванович бросился на него всем телом, но получил прикладом такой силы удар в живот, что буквально сложился пополам и завыл от боли, не в силах вздохнуть. «Тише, генерал, тише, лосика вспугнешь», – спокойно произнес Княжин. «Сука ты последняя, Княжин. Садист. Блядь позорная», – стонал свернутый калачом Кудрявцев. «Отставить разговоры. И хорош ночевать, команды «привал» не было. Подъем и вперед», – сухо произнес старлей и опять ткнул дулом карабина генерала справа, в поясницу. Тот ойкнул и закричал: «Кончай здесь, гаденыш! Стреляй, паскуда, ублюдок ебнутый. Никуда я больше не пойду. Стреляй, мразь!» – и он поднялся во весь рост и раскинул руки в стороны. «Мы стреляем сегодня вон в того лося, – проговорил спокойно Валентин, указав свободной рукой направление, – Но только с надежного расстояния. На лыжи, генерал, и вперед». Кудряшов взялся одной рукой за живот, другой за поясницу и двинулся к лыжам. Лось стоял на следующем повороте реки и наблюдал за происходящим. Прошли заснеженный участок и вышли к повороту. «Бегом марш», – скомандовал старлей. Владимир Иванович, благодаря приливу сил от ярости, прибавил

ход. Он двигался, насквозь мокрый, задыхающийся, и мутно соображал: «Да что же делать-то? Подышать неохота, да еще от такой твари, зверя в лице человеческом, а, видно, придется. Думай, генерал, думай быстрее!». И вдруг услышал команду: «Стоять!» – и остановился, наклонившись вперед и тяжело дыша. «А лосик-то наш в тайгу двинул, генерал», – услышал он голос старлея, поднял голову и мутным взглядом увидел Княжина, рассматривающего лосиные следы. Генерал сплюнул в снег и проговорил, задыхаясь: «В тайге ты его не возьмешь. Умоляю, Валентин, приди в себя. Очнись, наконец, едрить-кудрить. Идем в избу», – тихим голосом закончил генерал-лейтенант. «Отставить разговоры. Левое плечо вперед, шагом марш», – скомандовал старлей. И генерал, шатаясь, поплелся на берег. Пока был прибрежный наст, идти было еще сносно, а как вошли в лес, тут же и провалились по пояс. Пробрались метров десять по сугробу, и Кудряшов Владимир Иванович, генерал-лейтенант, начальник Пермского высшего командно-инженерного училища, завалился на бок, судорожно хватая ртом воздух. По его измученному лицу текли беспомощные слезы. Княжин присел рядом и похлопал генерала по плечу. Владимир Иванович открыл безумные глаза и прошептал задыхающимся ртом: «Таблетки, Валя. В рюкзаке», – и закрыл глаза навечно. Валентин мотнул головой. Посидел минут десять и поволок генерала по глубокому снегу к речке. Над зимней тайгой опускались сумерки. Птицы примолкли. Ветер стих. Княжин вернулся в тайгу, собрал лыжи и понес их на лед реки. Попробовал соорудить из лыж сани, но веревок не было, и стало очень темно. Он оставил эту затею и потащил генерала волоком, ухватившись за ворот бушлата. Пока был не сильно заснеженный участок, волочь было тяжело, но сносно. Когда же после первого поворота он уткнулся в высокий снег, тащить генерала стало просто невозможно. Валентин взвалил его на плечи и понес. Он спотыкался и падал вместе с генералом, но всякий раз поднимался, грузил его на себя и снова нес. Передохнув на повороте, он брал генерала за ворот бушлата и тащил его волоком. К избе он кое-как добрался к рассвету. Изможденный до предела,

он валился с ног, но, прежде чем рухнуть на нары в избе и уснуть, он взял большую плащ-палатку, взятую на случай сильного ветра на льду, расстелил на снегу и аккуратно завернул тело покойного, зачем-то стащив с него валенки. Потом взял лопату и засыпал генерала снегом в виде саркофага. И уже тогда зашел в остывшую избу и свалился на нары.

Проснулся он от жуткого холода и голода. Встал, затопил печку-буржуйку. Вышел на улицу, развел костер. Взял котелок. Оглядел «саркофаг» и отправился за водой. Сварил гречневую кашу с тушёнкой, наелся и снова улегся спать, уже раздевшись. Проснулся. Солнце уже садилось. Взял топор, салазки и отправился к реке. Нарубил льда крупными кусками, нагрузил его на салазки и привез к избе. Выгрузил у дверей, оглядел кучу и опять вернулся к реке за новым льдом. Так он сделал три ходки. А тем временем и макароны с тушёнкой успели. Быстро темнело, и от костра на избе шевелились тени. Валентин поел. Зашел в избу, зажег керосиновую лампу и при ее свете оторвал две широкие половицы вдоль стены справа от входа, подальше от печи. Взял ведро, наложил доверху льда, занес в избу и высыпал на землю под оторванными половицами. Сделал еще несколько ходок за льдом, а потом раскопал «саркофаг» и переволок тело генерала в плащ-палатке в избу, чтобы зверь не поел ночью. Уложил на лед вдоль стены, а остатки льда насыпал сверху. Погасил керосиновую лампу и лег спать. Опять в одежде, решив печку на ночь не топить. Ранним утром замерз и проснулся. Выволок генерала из избы, соорудил над ним «саркофаг» из снега, затопил печь, развел костер, сварил кашу, попил чайку с бутербродом и завалился спать. Так продолжалось неделю. В день предполагаемого прилета вертолета, после того как Валентин соорудил «саркофаг» над генералом и поел, он не пошел спать, а взял лопату и отправился к реке. Вышел на середину и принялся расчищать снег. Очистил большой квадрат десять на десять метров, вернулся к избе, сел на скамью и стал ждать. Скоро зашумел двигатель вертолета с характерными хлопками винтов. Валентин поднялся,

взял дымовую шашку и пошел на реку. Когда борт показался на горизонте, зажег шашку, воткнул ее в край квадрата, очищенного от снега, и ушел обратно к избе. Машина приземлилась. Заглушила двигатель, и удивленный такой встречей экипаж вышел на лед. Не понимая, что происходит, три члена экипажа направились к избе. Там и увидели Валентина, сидевшего на скамье. Его небритое, осунувшееся лицо кое-где было испачкано сажей. Он сидел и спокойно смотрел на костер, нисколько не обращая внимания на пришедших. «Здорово, пехота. Что-то случилось, старлей?» – спросил командир экипажа. Валентин посмотрел на него и проговорил: «Генерал-лейтенант Кудряшов умер. Вон, в снегу закопан». Эти слова как гром среди ясного неба повергли в шок весь экипаж. Все принялись расспрашивать Валентина, что случилось, но тот молчал и спокойно смотрел на огонь костра. Тогда командир экипажа приказал второму пилоту бежать к вертолету и доложить по радиации о случившемся. Тот так и сделал. Через два часа на очищенный уже экипажем второй квадрат приземлился второй борт МИ-8. Во главе с командиром дивизии. На лед выпрыгнула целая комиссия военных и один штатский с лыжами, охотничьим ружьем и рюкзаком на спине. Все поднялись к избе, где на скамье у стола, на котором до сих пор были разложены рыболовные снасти, сидел старший лейтенант Княжин. «Докладывайте, старший лейтенант, что произошло?» – скомандовал командир дивизии и присел рядом с Княжиным на скамью. Остальные военные остались стоять полукругом. Валентин равнодушно посмотрел на всех и начал: «Мы прилетели неделю назад. Разгрузились. Борт ушел. Откопали избу. Перенесли имущество. Генерал-лейтенант захотел перекусить. Разогрели тушёнку. Выпили. Закусили». «Сколько выпили?» – резко спросил командир дивизии. «Да вон бутылка стоит», – проговорил Валентин и указал на стол, на котором, среди рыболовных снастей, стояла недопитая наполовину бутылка «Столичной». И продолжил: «Генерал-лейтенант захотел чаю. Я взял чайник и отправился за водой на речку, и там вверх по руслу увидел лося. Пришел и доложил об этом генерал-лейтенанту. Тот соскочил, снял

карабин со стены, схватил лыжи и скомандовал мне: «За мной». Я взял другие лыжи и побежал за товарищем генерал-лейтенантом. На льду генерал-лейтенант встал на лыжи и бросился к лосю. Я двинулся за ним. Лось ушел за поворот. Генерал-лейтенант за ним, а я следом. Так продолжалось до тех пор, пока лось не ушел в тайгу. Тогда генерал-лейтенант двинулся за ним в лес по снегу, а я опять следом. И там, в лесу, генерал-лейтенант упал, ему стало плохо». «Азартным охотником оказался Владимир Иванович», – проговорил подполковник из военной прокуратуры, осматривая висящие на стене карабины, которые были оба заряжены, и все патроны на месте. «Да не был он никаким азартным охотником. Я же с ним не раз и здесь бывал, и в других избах. Он и на охоту-то ездил попойнствовать да отоспаться в теплой избе. Что дальше, старлей?» – спросил командир дивизии. «Дальше, – проговорил спокойно Валентин, – я пробрался по снегу к товарищу генерал-лейтенанту и спросил, что случилось. Генерал-лейтенант прохрипел, что «лекарства, Валя, в рюкзаке», и закрыл глаза. Я понял, что ему плохо, и нужны лекарства, и хотел бежать за ними в избу. Но подумал и решил, что нельзя его оставлять одного, и принялся тащить товарища генерал-лейтенанта, а он по дороге умер». Валентин замолчал, все так же глядя на догорающий костер. Все молча стояли, переминаясь с ноги на ногу. Лишь подполковник из прокуратуры ходил и оглядывал все, а гражданский с ружьем и рюкзаком, встретившись с ним взглядом, кивнул ему, повернулся и направился к реке. Гражданского звали Устин Нестерович. Он был егерем. Всю молодость провел на охоте, жил промыслом и тайгу читал как открытую книгу. Он спустился вниз к реке, встал на лыжи и двинулся вверх по руслу. «Откопайте генерала», – скомандовал командир дивизии. И тут же началось движение. Кудряшова откопали и развернули брезент. Зрелище было ужасное. Его распухшее, обезображенное лицо было темно-синего цвета, а оскаленный рот как будто смеялся над всеми и одновременно хотел укусить кого-то. «Заверните обратно и оформляйте протокол», – скомандовал командир дивизии. «Подождем Устина Нестеровича, товарищ командир, тогда все и

оформим», – негромко произнес подполковник из прокуратуры. «Хорошо, Дмитрий Михайлович, подождем. Честное слово, я бы сейчас надрался в хлам. Такого мужика потеряли. Золотого мужика. Он ведь всех почти здесь присутствующих уму-разуму учил, переживал за нас, дураков. Надо же такому случиться», – проговорил негромко командир дивизии и закурил. Подполковник из прокуратуры взял командира под руку, тактично отвел в сторону и проговорил: «Иван Тимофеевич, Княжина надо бы отправить с медиками в санчасть на реабилитацию. В шоке он. И генерал-лейтенанта тоже, нельзя его больше тут держать. Требуется судмедэкспертиза. А мне необходимо тут остаться с товарищами. Дождаться Устина Нестеровича, оформить все документы, произвести дополнительные следственные действия». «Я тоже останусь. Пусть они там без меня повоюют», – ответил командир дивизии и подозвал к себе зама. Дал распоряжения, и один борт стали загружать и готовить к отлету. Через час вертолет улетел. Оставшиеся протопили избу, восстановили пол, чтобы сыростью не тянуло, застелили спальниками нары и принялись кашеварить в ожидании егеря. Через два часа, как стемнело, вернулся Устин Нестерович, повесил ружье и рюкзак на гвоздь в стене избы и уселся за стол. Оглядел в свете костра лица присутствующих и произнес: «Все так, как говорил старлей. Они погнали лося от промоины, к которой зверь приходил на водопой. Он стал их уводить вверх по руслу от своей лежки за вторым поворотом. Я ее еще с вертолета засек. Гнались за ним километров 12-15, судя по времени, сколько я отсутствовал. Там лось ушел в тайгу. Они по его следу двинулись за ним. Метрах в тридцати-пятидесяти генерал, шедший впереди, завалился на левый бок, скорее всего, стало плохо от перегрузки. Старлей вытащил его на лед. Пытался соорудить салазки из лыж, но, не имея веревок, и опять-таки, надо было вязать лыжи ивовыми ветками, не смог собрать сани и потащил генерала волоком по снегу. Когда уткнулся в высокий снег с подветренной стороны, взвалил тело генерала на себя и нес до следующего поворота, падал с ним, подымался и снова шел. Дальше снова тащил волоком. И так до самой

избы. Судя по расстоянию и учитывая вес генерала, тащил он его всю ночь. Так что парень-то ваш, старлей, герой. Потаскай-ка на хребтине такую тяжесть столько километров», – сделал вывод егерь Устин Нестерович. «Да, силен Княжин. Пятнадцать километров махнуть со стокилограммовым Владимиром Ивановичем на плечах, а потом еще неделю ночевать с покойником в одной избе, тут дух нужен, характер, – проговорил задумчиво командир дивизии. – Но меня не покидает вопрос. На кой хрен ему понадобилось гнаться-то за этим лосем? Не был он никаким азартным охотником, не был». «А мне вот что не понятно, – так же задумчиво произнес подполковник из прокуратуры, – Как молодой кадровый офицер, пусть даже не охотник, отправился на охоту без боевого оружия?» «Ну, это может быть и по запарке. Получил команду «за мной» и помчался исполнять», – ответил командир дивизии. «Мне тоже не все понятно в поведении наших горе-охотников, – проговорил Устин Нестерович. – Ну, погнались зверя, ломанулись в азарте напрямки, а тот ушел за поворот. Чего же за ним долго-то гнаться на виду? Притаиться надо, подкрасться незаметно. Ветер с его стороны, не учует. А они перли все пятнадцать километров посреди реки, у всех лесных обитателей на виду?» Все замолчали, размышляя. Подошел молодой лейтенант и доложил, что каша готова. Командир дивизии послал его за водкой и наладились ужинать. Помянули добрыми словами генерал-лейтенанта Кудряшова Владимира Ивановича, выпили за упокой души его и отправились спать. Утром, после проведения всех следственных действий и оформления протокола, вертолет доставил оставшихся членов комиссии по назначению. А вскоре, по сделанным выводам и отчету этой комиссии, а также по ходатайству руководства дивизии и политотдела, старшему лейтенанту Княжину Валентину Александровичу был вручен орден за личное мужество при спасении командира и присвоено внеочередное звание капитана. Весной он отбыл в Ленинград для поступления в академию. Сдал все экзамены на отлично и осенью приступил к занятиям. Вот тогда Княжин и встретил на Невском знакомую ему девушку из Перми, очень похожую на

его мать Людмилу. Они, не обсуждая тему расставания, стали встречаться. Чувства возобновились, и через короткое время они поженились. Княжина, как выпускника, с отличием закончившего академию, направили на Байконур и присвоили ему звание майора. Вскоре у них родилась дочь, Евгения-Женечка, а для блестящего офицера, орденосца, коммуниста и молодого ученого нашлось место в закрытой лаборатории в закрытом же институте города Ленинграда. Он был переведен на должность замначальника лаборатории, с присвоением звания подполковника. Через два-три года он был уже начальником лабы, и ему было присвоено звание полковника, что соответствовало должности. Карьера Княжина складывалась великолепно, несмотря на то, что он и не пил с сослуживцами. В семье был образцовый порядок. Но вдруг грянул гром среди ясного неба. Его жена Людмила, балерина Театра оперы и балета им. Кирова, бесследно исчезла за границей. Она сбежала в Италии с каким-то солистиком Димой. Она предала Родину. Она предала свой город, носивший имя великого Ленина. Она предала семью и дочь Женю. Она предала его, Княжина Валентина Александровича, мужа и отца их ребенка. Мама Людмилы свалилась с инфарктом. Даже маленькая дочка Женя, очень избалованная, веселая, своевольная девочка, пребывала с растерянности и замкнулась в себе. Один полковник Княжин оставался спокойным и полностью сосредоточенным на работе. Но через две недели заработала неторопливая, но жесткая машина госбезопасности. Он был вызван куда следует и отстранен от работы. С него сняли все допуски к секретнейшим разработкам и отправили в оплачиваемый отпуск на неопределенный срок, до полного решения его дальнейшей судьбы. Задача для военного начальства стояла и вправду непростая. Куда девать молодого кадрового офицера – полковника, коммуниста с безупречными характеристиками, орденосца, очень толкового, непьющего командира? И кто-то из начальствующих кадровиков вспомнил, что Княжин неплохо знает химию, что само по себе большая редкость. Этот кадровик и предложил определить его в химические войска, тем более, что все секреты этих войск

давно известны потенциальным противникам. Одним словом, после всех многочисленных согласований и утверждений по инстанциям, полковник Княжин Валентин Александрович был назначен заместителем начальника Войск радиационной, химической и биологической защиты вооруженных сил СССР, по научной части. Должность была генеральская, и к ней, кроме звания, прилагалась трехкомнатная квартира в Москве, служебная машина, дача и спецсамолет для решения оперативных задач. Княжин уехал в Москву, но, по возможности, все выходные проводил в Ленинграде с дочерью Евгенией, которая осталась до лучших времен с тещей-бабушкой. Новый зам, со всей присущей ему серьезностью и ответственностью, взялся за работу. Постоянные командировки его и проверки на местах подняли показатели в химических войсках на небывалую высоту, и через четыре года Княжин уже занимал генерал-лейтенантскую должность начальника Войск РХБЗ, сменив ушедшего на пенсию начальника-предшественника. Проезжая каждый день мимо своей школы-интерната, волею судьбы находившейся неподалеку от штаба войск, он внимательно глядел на нее из окна служебной автомашины, наклоняя голову, как когда-то смотрел на попугая Ару, стоя у клетки, но в родную школу так и не зашел ни разу.

В школе же о нем не забывали – благодаря Наталье Николаевне, учительнице русского и литературы, которая к тому времени была давно замужем за каким-то музыкантом, родила двоих детей, девочку Олю и сына Кирилла, но по-прежнему жила в квартире Княжина, в которую генерал собирался в ближайшее время прописать свою несовершеннолетнюю дочь Евгению и тещу, а сам намеревался выписаться оттуда и прописаться в занимаемую квартиру. Наталья Николаевна рассказывала директорше Марии Зигмундовне об успехах Княжина, хотя и очень устаревших, что он все-таки стал ученым-химиком, как мечтал когда-то его приемный отец. Возглавляет научную лабораторию в Ленинграде, и у него большое будущее в науке. Таисия Ренатовна, секретарша директора, неутомимая труженица, передавала все эти

новости дальше, в том числе и вахтерше-инвалиду Клавдии Афанасьевне Янтарной. Та радовалась за сироту и говорила: «Вот и слава Богу! Как бы порадовался Рутберг-то, Андрей Карлович, царствие ему небесное. Ведь это он помог мальчишке найти дорогу, вернул к жизни несчастного сироту». «Ты знаешь, Тасенька, – обратилась однажды Клавдия Афанасьевна к секретарю директора, – а я ведь знала маму Валентина и даже присутствовала при его преждевременных родах. Семимесячным ведь он родился, на гастролях. Я с его матерью и отцом училась в цирковом училище, в одной группе. Мать-то его тогда тоже Валентиной звали. Это она позже стала Александрой, псевдоним себе взяла, когда за Сашку Княжина вышла, и они стали работать в паре. Я даже к ней в подруги набивалась, жалко мне ее было, все время одна, пока за Сашку не вышла. А таким-то, как я, всегда хочется подругу иметь красивую да талантливую. Но она меня отшила жестко. Пошла, говорит, ты, Клавка, куда подальше со своей жалостью, и близко не приближайся ко мне, а то получишь. Ну, я, понятно, обиделась и отстала. Ее ведь все побаивались. Всегда одна, сама по себе. Ни с кем не дружила, даже не разговаривала, ни на занятиях, ни в общежитии. Никто даже не знал, откуда она родом. Да и фамилию-то девичью я даже и не вспомню сейчас, странная какая-то фамилия у нее была, иностранная, что ли? Но училась хорошо. Старательная, трудолюбивая, усидчивая, да как будто все время в тени. И красоту-то ее по-первости никто не замечал, особенно парни. Девки-то сразу определили красавицу, и с завидками поглядывали на ее фигуру, а парни, кроме сисей, поначалу ничё не видят. Сашок Княжин – тот другой. Общительный, простой, сильный, и гимнаст от Бога. На последнем курсе они поженились, и Валентина от него тоже всех отгородила, как говорится, увела из коллектива. После выпуска мы все разъехались по распределению, и я долго о них ничего не слышала. А тут посылают меня в Кривой Рог, паузу заткнуть между двумя серьезными номерами. Приезжаю, глядь на афишу, а там во всей красе – воздушные гимнасты Александр и Александра Княжины. Ну, думаю, все-таки родные лица – однокашники. Но Валька в позу встала.

Не будет, говорит, с нами Янтарная работать, и точка. Меня и отправили обратно. А я, понятно, опять сильно обиделась на нее, вот, думаю, стерва злопамятная. В другой раз судьба свела нас уже в Ташкенте. Она беременная была Валентином и не работала. Сашка один работал, хорошо работал, красиво. У нас и комнаты в гостинице-общаге оказались рядом, но мы не общались почти, так – привет и до свиданья. И вот однажды сплю я ночью после спектакля и слышу, будто кто-то завет меня и стучит в дверь. Соскочила я спросонок к дверям, а там никого. Легла, и слышу, снова стучат, но в стенку, со стороны Княжиных. Встала, пошла к ним на стук, а это Валька стучит в стенку, на помощь зовет. Воды у нее стали отходить Я побежала к себе и приволокла все свои тампоны на красные дни календаря, полотенца, какие были, простыни, и давай с ней обиход производить. Она мне так спокойно, даже ласково: «Клава, беги на вахту, вызывай скорую, в роддом мне надо. Спасай ребеночка». Я бегом со всех ног на вахту. Кое-как объяснила вахтеру, в чем дело, узбеки ведь, ничё не понимают, и обратно к Валентине. А та уже по коридору, вдоль стеночки, мне навстречу. Потихоньку спустились, усадила я ее на диван, сама то и дело на улицу, а скорой все нет. Долбанный Ташкент – город хлебный. Валентина мне опять, спокойно так: «Клавдия, беги, ищи машину попутную. Вот, возьми все деньги, которые Александр оставил. Ты отдай их шоферу, он и отвезет». Сашка-то, как назло, на три дня в Бухару, с цирком на сцене, на халтуру уехал. Схватила я деньги в охапку, и бегом на улицу. А город как вымер, ни одной живой души, ни огонька зеленого, ни фонарика. Мечусь я взад-вперед, не знаю, что делать? Вдруг вижу, за квартал машина медленно едет с мигалкой желтой. Скинула я туфли и деру за ней, я ведь тогда шустрая была, не то, что теперь. Все ноги сбила об асфальт, но догнала машину. Оказалась поливалка. Стучу в дверцу, кричу, чтоб остановился. Водитель, узбек в тубетейке, смотрит на меня как кот, облизывается. Я ему объясняю, что в роддом надо, деньги сую. А он говорит, что тоже хочет, чтобы я от него в роддом поехала. Рано, говорю, мне в роддом, давай сначала подругу отвезем.

Взял он деньги, развернул машину и к гостинице цирковой. Погрузили осторожно Валентину и тронулись. Она, обычно терпеливая, сдержанная, вдруг как завыла, да так громко, страшно, как волчица дикая. Я аж испугалась, а узбек-водитель совсем одурел. Глаза как блюдца чайные сделались. Тюбетейку поправил на затылке, закричал: «Шайтан!» – и дал по газам. Примчались к роддому, я давай во все двери ломиться, в окна стучать. Весь роддом на уши поставила. Но успели вовремя. В коридоре Валя и родила сына Валентина. Акушерка, Вера Игнатьевна, русская женщина, что роды принимала и меня валерьянкой отпаивала, потом долго надо мной смеялась. Все подумали, что это я рожать наладилась, а живота нет. Через два дня приехала я навестить роженицу. Фрукты привезла, соки и всякое такое, а Валентина посмотрела на меня с ненавистью и говорит: «Ты чё приперлась, Клавка? Я же тебе говорила, чтобы ты валила куда подальше со своей жалостью от меня. Вот и проваливай, чтобы я тебя и близко не видела». Ну, тут уж я по-настоящему обиделась. Ничего себе, думаю, заявочки! Я, как дура, всю ночь с ней возилась – чуть девственности не лишилась, а она? Поставила, что принесла, на тумбочку, и ушла молча.

В последний раз мы виделись в Хабаровске. Их программа переезжала во Владивосток, а я приехала на гастроли в Хабаровск. Вот и столкнулись случайно в примерке. Они с Сашкой реквизит упаковывали для отправки, а я со своим притащилась. Валентина посмотрела на меня и, не здороваясь, попросила Сашку – сходи, мол, Александр, в буфет, нам потолковать надо. Он ушел, а мы остались вдвоем. Она помолчала и заговорила негромко: «Видно, Клава, нас судьба не случайно свела и не отпускает. Была я недавно у цыганки, гадала. Так та сказала – наговор на тебе, дева, порча неслыханная наслана. Проклята ты, и имя твое проклято! И тот, кто у тебя родился, проклят. И все, кого ты полюбишь, будут прокляты. Так что ты, Клава, и правда, держись от меня подальше. И вот еще что. Если вдруг с нами что-нибудь случится, ты бы как-нибудь помогла сыну нашему, Валентину. Ты

ведь ему вроде как крестная мать». Она замолчала и отвернулась, а потом, не поворачиваясь, продолжила: «А теперь иди, погуляй где-нибудь, дай нам собраться и уехать». Я и ушла, ничего не понимая, без обиды уже всякой ушла, думая про себя: «Твое проклятие, Валентина, – твой характер, твоя воля непреклонная, твоя неспособность прощать людей». Ведь она никогда, никому, ничего не прощала! Поэтому, наверное, всю жизнь и была одна-одинешенька, даже когда за Сашку Княжина вышла, осталась одинокой. Вскоре там, в Хабаровске, я и сорвалась, и покалечилась. В Москву санрейсом перевезли меня, и лечили, и ничего не смогли поделать, инвалидом вот и осталась. Когда меня по инвалидности определили на работу в школу-интернат нашу, я ведь даже и не знала, что Валентин здесь учится, до тех пор, пока его родители не погибли. Вот тогда и вспомнила слова Валентины про сына их. Тогда и удивилась – откуда она узнала-то, что я буду здесь работать инвалидом? Я и усыновить его собиралась, да Андрей Карлович опередил. А когда он вдруг умер скоропостижно, вспомнила и про проклятие, и испугалась жутко, подумав, может, из-за этого проклятия я и инвалидом стала? Может, Валька-то и вовсе не стерва была? Может, пыталась она спасти от проклятия того окружающих и меня, дуру? Может, проклятие это и вправду на сына их, Валентина, перенеслось? И как же тут ему поможешь? Да видно, сказки все это, Тасенька, про проклятия, да наговоры всякие. И слава Богу! Вон парень-то ученым стал, в люди выбился, а ведь сирота, один-одинешенек». «Да, Клавдия Афанасьевна, сказки да бредни все это, а вот что меня Мария Зигмундовна потеряла и ругать будет, это уже факт, объективная реальность», – проговорила Таисия Ренатовна, поднялась и отправилась к себе в приемную.

А молодой генерал-майор Княжин Валентин Александрович, начальник химических войск, подъезжая к штабу, подумал: «Да, растет дочка Женечка, вон уже и в отпуск со мной не хочет ехать, скучно ей, видите ли, в Карелию в спортлагерь собралась. Ну да пусть к самостоятельности привыкает, а то

теща избаловала совсем. А я, пожалуй, съезжу-ка в Крым, в наш ведомственный санаторий, отдохну. Заодно и нагоня там дам кому положено. Проверю, как лечат подчиненных». С такими мыслями и в хорошем расположении духа он поднялся в свой кабинет, на ходу выслушав доклады дежурных.

Летом он на севастопольском самолете прилетел в Севастополь, на военный аэродром «Бельбек». У трапа ждала служебная черная «Волга» и много встречающих подчиненных – местных начальников. Проведя совещание и инспекцию в войсках, генерал-лейтенант отправился в Ялту, в свой санаторий, где его ожидало все тамошнее начальство и генеральский люкс с видом на море. Расписание дня его не особенно поменялось и на отдыхе. В 5.30 подъем. До 6.00 – водные процедуры, контрастный душ. До 6.40 – кросс в любую погоду любого времени года. До 7.40 – физические упражнения на снарядах, гантели, штанга, боксерская груша. До 8.00 – душ. Завтрак. С 9.00 – доклады замов, вестовые со спецпочтой. Работа над документами. Доклад в Генштаб. Текущие дела. В 12.00 – обед. С 13.00 до 14.00 – личное время. С 14.00 – теоретические занятия. Химия. Физика. Матчасть. Подготовка к экзаменам в академии химических войск, которые он сдавал, как и все учащиеся, в Костроме, два раза в год. Костромская военная академия имени маршала С.С.Тимошенко готовила высший командный состав для войск РХБЗ, и Княжин не мог себе позволить не окончить ее. С 17.00 до 17.30 – полдник, личное время. Купание в море. Прогулки по Ялте. С 19.00 до 21.30 – ежедневные культпоходы. Концерты. Цирк. Театры (все, кроме балета). Выставки живописи и народного творчества. Конкурсы. Смотры художественной самодеятельности, музеи и т. д. С 21.30 до 21.45 – чаепитие. С 21.45 до 21.55 – личная гигиена. В 22.00 – отбой. И так каждый божий день, кроме тех дней, когда генерал уходил в горы с рюкзаком на неделю. Там у него была полная свобода, он там наслаждался этой свободой, жил в полной гармонии с природой, и был счастлив.

И вот однажды во время прогулки по набережной он обратил внимание на девушку, которая что-то рисовала, не обращая внимания на празднующихся. И вот с этого места поподробней.